

Н.В. Буковская

НАУКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: СЛУЖЕНИЕ ИЛИ ГОСПОДСТВО

Томский государственный университет

К XXI в. становится очевидным, что сциентистское стремление к владычеству действует губительно на науку, на её социокультурный статус. Сегодня вопрос о том, какая власть кажется выше для науки, служение, т. е. сохранение человека и природы, или господство, оборачивающееся катастрофами, является как бы риторическим. Импульсы экологической ситуации дают о себе знать, акцентируя все более ответ на охранительные функции науки. А на рубеже XIX и XX вв. иллюзии и реальность находились несколько в другом соотношении, и нарастающая мощь техногенной цивилизации, а также эйфория общественного мнения неумолимо склоняли науку к господству, пренебрегающему нравственно-мировоззренческими, ценностными измерениями. Продолжая в современном мире уповать на господство, наука рискует потерять в конце концов обе власти, так как антисциентистские, антинаучные настроения в обществе склоняются к тому, чтобы не доверять ей как таковой.

Предлагая размежевать науку «служения» и науку «господства», мы подчеркиваем неоднозначность ценностной детерминации и ориентации научного познания, наличие различных типов самосознания науки. Вводимые понятия соотносятся с такими терминами, как классическая и постнеклассическая научная рациональность, «открытая» и «закрытая» наука. Таким образом, типология науки на основании ценностных ориентаций и видов власти соотносится с типологией научной рациональности. Ориентация науки на «служение» и «господство» репрезентируется в «моделях» интерпретации реальности, которые фиксируются в типе научной рациональности и в научной картине мира. «Закрытая» научная рациональность исходит из понимания гносеологического субъекта как образа «одионого Я», изолированного от нравственных ценностей и культуры. Этот субъект нацелен на обладание, расчленение, разделение, томим вопросом «состоит из чего?». Но недостаточность такого элементаристского, жестко детерминистического истолкования действительности размывает фундамент претензий на господство. В связи с этим обозначились приоритеты ценностного конструирования познаваемого мира перед субстратным. Наука «служения» исходит из позиции единства и взаимопроникновения «Я» и «Другого», когда познание воспринимается как общение, а не как «субъект-объектная» деятельность. Причем модусами этого общения являются культура, человечество и при-

рода, когда познающий субъект не ограничивается ипостасью абсолютного «объективизма», отрешенностью от нравственных ценностей.

Интересно, что такому эпистемологическому ракурсу соответствует онтологический план неклассических и постнеклассических изменений в науке, а именно: пересмотр квантовой физикой теории элементарных частиц, возникновение синергетики, теории самоорганизации. Возможность альтернативной элементаризму модели интерпретации действительности усматривается в синергетике, акцентирующей внимание на хаотической стороне мироздания. Меняются в связи с этим философские основания научной интерпретации действительности, а именно концепция «часть-целое»: от тоталитарно-упорядоченной, выраженной в идеях «состоит из», «следует из», до хаотически-упорядоченной – «все состоит из всего», «случайность всего».

Сегодня меняется и сам образ научного познания и знания: от «отражения» объективной реальности до «конструирования» реальности и «конструируемости» знания. Происходит это не без помощи постпозитивистской критики «объективизма» и стандартной концепции истины как «отражения». Признание плюрализации познавательного пространства, конкуренции и взаимной критики теорий, мнений способствует «либерализации» и динамизму науки. Вместе с тем это приводит к релятивизму и придает особую актуальность проблеме оснований рациональности. Если понимать культуру как способ регуляции и самоорганизации деятельности, то тогда можно рассматривать науку как проявление культуры в контексте механизмов регуляции. Отсюда социокультурные основания научной рациональности – это прежде всего механизмы, определяющие способ организации субъекта и объекта, способ регуляции субъект-объектных отношений.

Регулятивно-интерпретативные схемы познания (назовем их так) формируются как модели понимания действительности и способы организации научно-познавательной деятельности. С помощью термина «регулятивно-интерпретативная схема» мы акцентируем внимание на взаимосвязи нормативных и конститутивных аспектов познавательной деятельности. Дискурсивные критерии научности определяют понимание действительности. При этом дискурс науки коррелирует с дискурсом культуры. Так, техногенной цивилизации соответствует

наука, характеризующаяся прогрессистско-поставляющими ценностями, задающими операциональные схемы познания. Гуманистическая же модель, модель «служения», отвечает интенциям информационно-экологического общества.

Концепция ценностной детерминации познания, в рамках которой реализуется социокультурный подход, приобретает все большую популярность в современной философии науки: на методологическом уровне это фиксируется в контексте учета субъекта, его целей и ценностей в познании (В.С. Степин). Такой разворот в исследованиях науки неслучаен. Он коррелирует, с одной стороны, с изменившимся типом философствования, а с другой – со становлением новой научной рациональности и постнеклассической науки.

Сама возможность такой корреляции поднимает вопрос о факторах, определяющих способ писать историю и философию науки. В качестве таковых выступает, видимо, социокультурная обусловленность интерпретации науки, специфика философской ориентации исследователя, т. е. то, какой философии он придерживается. Философско-методологические исследования науки задаются тем, какой смысл пытаются в ней обнаружить. Поэтому новые подходы постоянно открывают нам ее проблемную глубину.

Позитивистский, сциентистски ориентированный подход искал в науке обладателя абсолютной истины, не отягощенного «предрассудками» метафизики, мировоззрения, нравственности, в то время как сама эта установка являлась одним из «предрассудков» эпохи модерна. Отсюда проистекает методологический автаркизм, который соответствует, кстати говоря, мировоззренческому облику классической науки, ее ориентации на господство. Однако это вовсе не означает, что классическая наука с ее стандартами рациональности не была детерминирована социокультурными обстоятельствами и ценностными смыслами. Напротив, она как раз коррелировала с программой эпохи Просвещения, уповавшей на разум, науку, которые с помощью «беспристрастной» истины «указуют» пути человечеству. В данном случае ценностная мотивация была неосознанной, прикрытой «ширмой» абсолютной объективности. Когда мы убираем эту «ширму», тогда возникает вопрос о характере и специфике (конкретно-исторической) тех ценностей, которые за ней скрываются. Выступают ли

в качестве таковых человек, природа, бережное отношение ко всему сущему или же на первый план выходит обладание знанием, господство?

Науке господства и науке служения соответствуют определенные ценности и модели понимания действительности. Первая исходит из «отражения», «обладания», «объективизма», жесткого детерминизма, из приоритета науки над культурой, научной истины над нравственностью. Но в результате такая наука попадает в ловушку ценностей утилитарных, производственно-«поставляющих» (Хайдеггер), «слепых» (в смысле их оторванности от мировоззренческого осмысления).

До тех пор, пока наука не артикулирует вопрос «знание для чего, для кого?», она, по сути дела, находится под диктатом производства и техники, до конца не осознавая кому и чему служит. Таким образом, заявленное господство над природой, над «субъективностью», элиминация ценностей оборачиваются услужением техногенной цивилизации, ценностям научно-технического прогресса (будем их называть «прогрессистскими»), которые на поверку оказываются дегуманистическими.

Понятно, что как бы в методологическом плане ни провозглашался отказ от субъективизма, в плане онтологическом субъективная установка, ценностная детерминанта познания присутствует. Ведь сам гипертрофированный «объективизм» – это ценность сциентистского, позитивистского мировоззрения. Естественно, что пока философия науки не произносит слово «ценности», до тех пор она идет на поводу самосознания классической науки и позитивизма. Когда же вопрос о критериях истинности знания помещается в плоскость проблемы его гуманистичности, тогда мы порываем с данной традицией. Но чтобы оценить знание подобным образом, недостаточно параметров «объективного отражения» реальности. Важно понять его проективную способность, исходя из параметров «конструируемости» знания.

Итак, на основании экспликации двух видов власти науки и ее ценностной детерминации можно провести размежевание двух способов ее существования: служение и господство.

Наука служения – это гуманистически ориентированная наука, «проектирующая» мир безопасный для Человека и Природы, тогда как наука господства ориентирована прогрессистско-поставляюще, нравственно-нейтрально и проектирует техномир.